

Научная статья

УДК 821. 161. 111

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.18.

EDN MDWMMO

Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества**Инна В. Ковтуненко¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru**Игорь А. Кудряшов²**²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: igalk@mail.ru**Аннотация**

Введение. В рамках публикации роман Е.И. Замятина «Мы» определяется в качестве репрезентативной антиутопии, имплицитно авторские культурно-социологические представления о гендере и сексуальности. Данный текст освещает гендерные проблемы, являвшиеся актуальными для времени, в которое жил и творил Е.И. Замятин. В воображаемом универсуме романа воспроизводится тоталитарный режим, который навязывает гражданам гиперорганизованную систему интимных отношений. Посредством этой системы государство пытается подавлять гендерную идентичность граждан, исключать эмоциональные связи или отношения между ними, тем самым разрушая организацию традиционной семьи, чтобы перенаправить высвобожденную энергию на поддержание идеологии тоталитаризма.

Методы. Антиутопия Е.И. Замятина анализируется в терминах теории социологического воображения (Seeger, 2019), социологических форматов воспроизведения воображаемой реальности в художественном тексте (археологии, онтологии и архитектуры) (Levitas, 2011). Изучение культурно-социологической предопределенности гендера в антиутопическом универсуме базируется на постулатах герменевтической и философско-филологической компаративистики (сравнение воображаемого мира Е.И. Замятина с объективной повседневностью). Подчеркивается конструктивная важность центральной метафоры энтропии, сформулированной Е.И. Замятиным в эссе «О литературе, революции, энтропии и других вопросах» (1923), где она означает интеллектуальный застой догматизма. «Энергия» – это обновление мышления путем разрушения политических, идеологических и эпистемологических догм; «энтропия» – это консервативная сила, которая останавливает перемены и укрепляет догму (Замятин, 2023, 205–206).

Результаты и их обсуждение. В романе Е.И. Замятина «Мы» тоталитарный Благодетель является рупором государства, который разрабатывает гендерные проекты, основанные на унификации соответствующих различий, чтобы превратить граждан в эффективных работников, лояльных действующему идеологическому режиму. В основе этих проектов лежит государственный контроль над сексуальностью, упразднение семейных обязательств, что, в свою очередь, нейтрализует гендерные роли, специфические для биологического пола (например, «кормилец» и «домохозяйка»). Вне зависимости от биологического пола все граждане призваны выглядеть одинаково, как андрогинные объекты-механизмы-винтики в достижении первоочередных целей государственной политики.

Ключевые слова: антиутопия; культурно-социологический анализ; категория гендера; биологический пол; семья; научно-технические достижения цивилизации.

Для цитирования: Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А. (2023). Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 192–200. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.17>.

Gender in the focus of socio-cultural problems of dystopian society**Inna V. Kovtunenکو¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru**Igor A. Kudryashov²**² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: igalk@mail.ru

Abstract

Introduction. In the publication, E.I. Zamyatin's novel "We" is defined as a representative dystopia implying the author's cultural and sociological ideas about gender and sexuality. This text highlights gender issues that are relevant to the time in which E.I. Zamyatin lived and worked. In the imaginary universe of the novel, a totalitarian regime is reproduced, which imposes upon citizens a hyperorganized system of intimate relations. Through this system, the state tries to suppress the gender identity of citizens, exclude emotional ties or relationships between them, thereby destroying the organization of the traditional family in order to redirect the released energy to support the ideology of totalitarianism.

Methods. E.I. Zamyatin's dystopia is analyzed in terms of the theory of sociological imagination (Seeger, 2019), sociological formats of reproduction of imaginary reality in a literary text (archeology, ontology and architecture) (Levitas, 2011). The analysis of the gender cultural and sociological predestination in the imaginary dystopian universe is based on the hermeneutical and philosophical-philological postulates of comparative investigation (comparisons of E.I. Zamyatin's imaginary world with objective everyday life). The constructive importance of the central metaphor of entropy formulated by E.I. Zamyatin in the essay "On literature, revolution, entropy, and other matters" (1923) is emphasized, where it means the intellectual stagnation of dogmatism. "Energy" is the renewal of thinking by destroying political, ideological and epistemological dogmas; "entropy" is a conservative force that stops changes and strengthens dogma (Zamyatin, 2023, 205–206).

Results and discussion. In E.I. Zamyatin's novel "We", the totalitarian Benefactor is the mouthpiece of the state, which develops gender projects based on the unification of relevant differences in order to turn citizens into effective workers loyal to the current ideological regime. These projects are based on state control over sexuality, the abolition of family obligations, which, in turn, neutralizes gender roles specific to the biological sex (for example, "breadwinner" and "housewife"). Regardless of biological gender, all citizens are called upon to look the same, as androgynous objects-mechanisms-cogs in achieving the primary goals of public policy.

Keywords: dystopian narrative; cultural and sociological analysis; gender category; biological sex; family organization; scientific and technical achievements.

For citation: Kovtunenکو I.V., Kudryashov I.A. (2023). Gender in the focus of socio-cultural problems of dystopian society. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 192–200. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.18>.

Постановка проблемы

Тревожные исторические события первой половины XX столетия сыграли существенную роль в становлении антиутопии как литературного жанра. Широкое распространение антиутопических воображаемых миров в художественном отражении действительности объясняется разочарованием в реальных «утопических» схемах, кризисом цивилизации, вызванным глубокими потрясениями. В социологии культуры теория антиутопического воспроизведения текущей повседневности разрабатывается и детализуется на основе анализа сквозных мотивов и сюжетной архитектоники преимущественно таких прототипических текстов, как «Мы» Е.И. Замятина (1920), «О дивный новый мир» О. Хаксли (1931), «1984» Дж. Оруэлла (1948). Эти произведения описывают модель жизни, в которой превалируют такие навязываемые тоталитарным государством условия существования индивидов, как конформизм, цензура, страх и террор.

На материале указанных текстов изучаются прежде всего авторские импликации, предопределенные антиутопическим жанром и обусловившие широкий диапазон социальных реакций на переосмысление бытийных и гносеологических категорий в пессимистическом свете (Абраменко, 2022; Белоусова, 2016; Дыдров, 2022). Подобный ракурс анализа, в свою очередь, закладывает основу для исследовательских критических точек зрения на авторское гиперболизированное видение негативных тенденций в регулировании гендерного самовыражения в современном обществе.

Теоретические рамки и эмпирическая база исследования

Культурно-социологическое направление исследований трактует антиутопию как своего рода кристаллизацию идей, установок и мнений, которые базируются на опасениях по поводу радикальной способности современных технологий и естественных наук реализовать самые новаторские амбиции утопизма.

Формулируется пять проблемных узлов, которые определяют антиутопическую литературную традицию в целом (Ветров, 2022; Кафтан, 2014; Поломошнов, 2020):

- эффективное и тираническое функционирование государственных институтов, доведенное до оптимального авторитарного предела;
- выведение повествования за пределы объективной реальности как попытка предупредить читателя о том, что в действительности может произойти в связи с научно-техническими достижениями цивилизации;
- драматизация извечного конфликта между такими членами бинарной оппозиции, как индивидуальный выбор и социальная необходимость, эмоции и разум, интуиция и знания, толерантность и осуждение;
- предварение прогрессивных, позитивных целеустремленных персонажей, которые способны вселить в читателя утешительную надежду, но, однако, часто оказываются крайне неэффективными в борьбе с безжалостными подавляющими силами;
- вовлечение читателей в теоретический дискурс о новых стилях мышления относительно устрашающих тенденций развития социума, которые неотвратимо трансформируют текущую действительность в «железную клетку», «царство изнанки утопии».

Утопические художественные программы, являющиеся рациональной, но вымышленной схематизацией текущих социальных и культурных процессов, казались недостижимыми для реализации, в большей степени служили формой авторской созерцательной критики ахиллесовых пят объективной действительности, чем радикальным проектом демократического реформирования социума. Под воздействием технологий современная реальность движется к фактическому воплощению утопии. Однако безобидные утопические постулаты трансформируются в алармистские футурологические декорации, которые отражают перспективы, угрожающие жизнедеятельности и культуре социума. А поэтому способы, с помощью которых технология и наука обеспечивают социальный контроль, требуемый для осуществления рациональных схематизаций, становятся наиболее актуальным аспектом, освещаемым в антиутопиях.

Антиутопия появляется как критика и саркастическое высмеивание утопического мировоззрения за его приверженность инструментальным ценностям, возвышение функциональных и коллективных целей над гуманистическими и индивидуальными потребностями (Ланин, 2014). На практике оказывается, что достижение утопии возможно лишь посредством механизма принуждения, насильственной нейтрализации альтернативных идеологических установок, злоупотребления властью. Антиутопия предостерегает от потенциальных негативных последствий «наивного» и «искреннего» утопизма, имплицитно осуждает недостатки и противоречия существующих социальных условий и политических систем, прослеживая нынешние тенденции, которые могут привести к тоталитарному будущему. Идеальный мир оказывается на практике иллюзией, от которой современный человек пытается пробудиться.

Как и утопии, антиутопии, по сути, выносят на повестку текущего дня тот же самый вопрос «Что, если?..», однако авторы дают негативные возможные ответы на этот вопрос. Данные негативные воображаемые альтернативы предоставляют не только горизонт для критики объективной реальности, но и надежду на возможность предотвратить неблагоприятные перспективы развития человеческой истории и культуры. Таким образом, антиутопическое видение действительности в определенной степени окрашивается и в утопические тона. Жанр антиутопии неизбежно

затрагивает проблемы гендерной идеологии, часто воспроизводит текущие социальные условия, чтобы показать сексизм, присущий социумам, которые следуют патриархальной модели.

Гендер – категория, активируемая в исследованиях для системного описания категоризации объективной/воображаемой действительности, основанной на закодированных культурно-социологических признаках. Данная категория трактуется в качестве одного из фундаментальных факторов, который организует повседневный опыта индивида, связанный с корреляцией «биологический пол – маскулинная/фемининная роль в социуме» (Ласкова, 2016, 27). В основе властных отношений, связанных с биологическим полом / гендерной системой, лежат различные институты и дискурсы, неотъемлемые от концепции идеологии, которые определяют воображаемые отношения индивидов к их реальным условиям существования (Laskova, 2014, 83).

Как система убеждений и допущений, идеология в рамках определенной культуры диктует и предопределяет действия, смыслы и идентичность субъектов. Идеология затушевывает реальные условия существования индивидов, вынуждает действовать способами, которые на самом деле могут противоречить их приоритетным интересам. Идеологии, которые формируют ту или иную культуру в определенную историческую эпоху, вписываются в повседневную жизнь, порождая гендерные стереотипы. Антиутопии воплощают концепции гендера, гиперболизирующие объективное положение дел в реальной повседневности. В связи с этим многомерный анализ антиутопии предполагает повышенный фокус внимания в том числе на политических и социальных условиях жизнедеятельности персонажей, которые имплицитно имеют большее смысловое содержание, чем в иных литературных жанрах.

Результаты исследования и их обсуждение

Единое Государство – это архетипическая футурологическая мизансцена, огромный застекленный город, наполненный роботоподобными «нумерами» (так называют его жителей), которые функционируют с плавной автоматической точностью машин. Многомерная однородность социума описывается Д-503, главным героем, как проявление величия Единого Государства: «...Музыкальный Завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера – сотни, тысячи нумеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди...» (6–7)¹.

У «нумеров» отсутствуют внешние дифференцирующие признаки пола, что является облигаторным условием жизнедеятельности граждан, обслуживающих Государство, которое стремится к достижению единообразия во всех сферах социума. Утрата индивидуальности ассоциируется с нейтрализацией гендерно маркирующих характеристик личности.

Приступая к повествованию об «идеальной» городской повседневности, главный герой восторгается неповторимостью и картинностью уличного пространства, испытывает от этого чувство комфорта. Сам социум воспроизводится им в утопической тональности: «...я опять увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни, увидел все: непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг...» (7). В этом на первый взгляд «утопическом» социуме политическая и социальная организация доведена до совершенства. Д-503 восторженно изображает красоту и гармонию синхронизированных движений граждан. Однако читатель, воспри-

¹ Здесь и далее страницы приведены по изданию: Замятин Е.И. Мы. М.: АСТ, 2009. 224 с.

нимая образы механизированной реальности, не разделяет восторга главного героя, эксплицирует обыденность и бессмысленность существования граждан.

«Математически безошибочное счастье», которое, как предполагается, является результатом единства социума, отсутствия неповторимой индивидуальности у граждан, должно быть дополнено заранее запланированным временем для индивидуально выбранных и инициированных действий: *«Буду вполне откровенен: абсолютно точного решения задачи счастья нет еще и у нас: два раза в день – от 16 до 17 и от 21 до 22 единый мощный организм рассыпается на отдельные клетки: это установленные Скрижалю Личные Часы. В эти часы вы увидите: в комнате у одних целомудренно спущены шторы, другие мерно по медным ступеням Марша проходят проспектом, третьи – как я сейчас – за письменным столом»* (13). Реализация личностных предпочтений разнообразных форматов проведения досуга все еще дает возможность гражданам проявлять те или иные субъективные оттенки своей индивидуальности, к которым относятся увлечения спортом, чтение художественной литературы, как и заинтересованность в интимных взаимоотношениях «за жалюзи». Однако личный досуг представителей социума жестко регулируется законодательством Единого Государства.

Интимные отношения между «нумерами» – это единственное занятие, которое происходит, так сказать, за закрытыми дверями. Вся остальная деятельность контролируется соседями: все «нумера» обитают в проницаемых для солнечного света улиях-жилищах: *«Дома – скорей в контору, сунул дежурному свой розовый билет и получил удостоверение на право штор. Это право у нас только для сексуальных дней. А так среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга»* (20). Гражданам, похоже, действительно есть что скрывать, отсюда и наличие в квартире жалюзи. Санкционированная Государством неприкосновенность частной жизни граждан допускается лишь в этой единственной сфере повседневности. Вероятно, Государство признает подстрекательский потенциал выраженной сексуальности граждан и скрывает его, чтобы не допустить малейшего проявления бунта. Ближе к концу романа Д-503 отмечает, что во время восстания можно было днем видеть сквозь стеклянные стены, как мужчины и женщины, не испытывая стыда, вступали в интимную связь, не опуская жалюзи и не имея соответствующего билета. Право на неприкосновенность частной жизни дает участникам бунта возможность осуществлять антигосударственную деятельность на глазах общественности.

Сексуальная активность граждан является оптимально спланированной системой беспорядочных половых связей, запрограммированной государством. В границах Единого Государства интимные связи рассматриваются большинством граждан в качестве чистого развлечения, удовлетворения естественной потребности, не преследующей стремления к репродуктивному восполнению социума как прямой обязанности: *«...блаженство и зависть – это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем»* (22). Государство радикальным образом искореняет чувство ревности: любому индивиду гарантируется право доступа к любому другому индивиду противоположного пола в качестве партнера для удовлетворения интимных потребностей. В Едином Государстве нет места для безответного сексуального желания.

Единое Государство искореняет ревность и любовь, сводит эти чувства к математическому двучленному уравнению: *«...дробь превращается в великоленную бесконечность»* (23). Государство исключает то, что считается основными причинами ревности и одностороннего неразделенного желания. Граждане не формируют прочных супружеских уз, поскольку они потенциально отвлекают от «священного» долга

перед Благодетелем. Вся палитра физических, физиологических и психологических параметров, специфичных для понятия биологического пола, не трактуется как надлежащие условия в процессе поиска партнера. Как следствие этого, антиутопический социум представлен сплошными андрогинами. Удовлетворение интимных потребностей приобретает исключительное функциональное измерение. Единое Государство испытывает острую потребность лишь в абсолютно «бесстрастных» работниках.

Зачатие ребенка допускается только при соблюдении условий, санкционированных режимом. Д-503 выражает презрение к методам воспитания детей, которые использовались до установления власти Благодетеля: *«...разве не абсурд, что государство... могло оставить без всякого контроля сексуальную жизнь. Кто, когда и сколько хотел... Совершенно ненаучно, как звери. И как звери, вслепую, рожали детей. Не смешно ли... Не додуматься до наших Материнской и Отцовской Норм»* (15).

Рассказчик не сообщает читателю о том, в чем состоит суть указанных нормативных стандартов. Однако автор имплицитно мыслит о том, что нормы – это совокупность физических, психологических и интеллектуальных шаблонов личности. Приоритетная цель этих шаблонов заключается в поддержании всевозможного единообразия всех представителей антиутопического социума. Тем, кто соответствует материнским и отцовским нормам, могут разрешить зачать ребенка. После рождения ребенок передается на попечение Государству. Рассказчик не приводит подробностей о воспитании детей в Едином Государстве. Однако читатель получает определенные представления о детстве и школьном обучении Д-503 и R-13 в воспоминаниях об их электронном учителе, Пляпе. Отсутствие родительской ответственности позволяет Государству занимать центральное место в жизни каждого индивида. Государство также допускает платоническую функциональную андрогинность, поскольку воспитание детей не является прерогативой представителей какого-либо одного биологического пола.

Свобода трактуется в качестве источника социальных проблем, чем частично оправдывается рабство. Главный герой снова прибегает к математическим исчислениям, чтобы вывести уравнение, которое связывает понятия свободной жизнедеятельности и совершения преступных деяний против режима: *«...свобода человека = 0, и он не совершает преступлений... Единственное средство избавить человека от преступлений – это избавить его от свободы»* (35–36).

В антиутопическом правосудии нет милосердия, и «Благодетель» использует еще одну яркую метафору, наряду с некоторой нечеткой логикой, чтобы изобразить парадокс этой «жесткой любви»: *«...истинная, алгебраическая любовь к человечеству – непременный признак истины – ее жестокость...»* (205).

В антиутопическом воображаемом универсуме наказание даже за самое незначительное из преступлений несоизмеримо с правонарушением. В авторском мире, воспроизведенном в романе «Мы», всем преступлениям соответствует одно наказание: публичная казнь путем испарения в машине Благодетеля. Иногда правонарушителей сначала подвергают пыткам, чтобы получить компрометирующие показания против других, как в случае с I-330, которая упорно отказывается сдаваться следствию. Заурядным событием оказываются публичные казни, которые проходят с большой помпой и церемониями. Д-503 не только подчеркивает принятие казни аудиторией, но и упоминает о «древних» цепях для осужденных: главный герой ожидает принятия своей участи обвиняемыми.

Незаконные интимные отношения с I-330 приводят Д-503 к неортодоксальным размышлениям о крайнем индивидуализме и склонности к бунту. Он ставит свое психологическое «Я» и тайную связь с молодой женщиной выше обязанностей

перед Единым Государством. Д-503 утверждает свою индивидуальность в коллективистском обществе, защищая свободу индивидуальной воли. Ради этих идей он готов солгать и совершить саботаж против режима, позволив I-330 захватить «Интеграл». В свою очередь, читательский опыт взаимодействия с образом I-330 предопределяется субъективным восприятием Д-503 (знакомство с этим женским образом осуществляется через интерпретацию дневниковых записей главного героя). Читатель не может однозначно ответить на вопрос, приобретает ли интимная близость для I-330 такой же культурно-социологический смысл, как и для Д-503. Что мы действительно узнаем об I-330, так это то, что она специфически использует секс с Д-503 как средство подстрекательства к мятежу. Для нее интимные отношения не просто связаны с бунтом против режима, а являются радикальным средством сопротивления Единому Государству.

По сравнению с Д-503 I-330 характеризуется натурой более самоуверенного бунтаря. Для Д-503 сопротивление сопряжено с опасным и пугающим разоблачением иррациональных интимных отношений. I-330 прибегает к противодействию как радикальному оружию не только для личного и – шире – коллективного освобождения, но и в целях подрыва деспотического режима Единого Государства. В основе ее проницательной способности использовать сексуальность лежит стремление разбудить в других персонажах естественные желания, которые Государство считает иррациональными, подавляет и контролирует всевозможными способами. Вместе с тем режим потенциально допускает реализацию подобной способности, что свидетельствует о несовершенстве его идеологического аппарата.

В антиутопическом социуме романа «Мы» также поднимается проблема преднамеренного оплодотворения вне контроля Единого Государства, как в случае с О-90, которая готова рискнуть быть подвергнутой экзекуции, чтобы иметь ребенка. Похоже, Д-503 оплодотворяет О-90 только для того, чтобы избавиться от нее и беспрепятственно возобновить свою интимную связь с I-330. Для О-90 акт зачатия ребенка и связанный с ним бунт приобретают сугубо личностный смысл. В отличие от I-330, она занимается преднамеренным и незаконным оплодотворением, чтобы укрепить отношения с Д-503. В отличие от I-330 она не желает свергать Единое Государство, однако стремится избежать ограничений, которые режим накладывает на ее жизненный опыт. В конце концов, она добивается успеха. Отметим, что аберрантное сексуальное поведение инициируется персонажами-женщинами, а не главным героем.

Заключение

Некоторые из самых публично обсуждаемых проблем в современном обществе связываются со способами выражения гендера, вступлением в интимные отношения, рождением детей и организацией прочной семьи. Вне всяких сомнений, решение этой актуальной проблематики предопределяется общественными нравами. В антиутопическом универсуме все эти сферы полностью оказываются общественным достоянием, внешние признаки гендера намеренно устраняются по мере того, как облик граждан нейтрализуется по признаку биологического пола. Интимные контакты граждан бюрократизируются с помощью системы «розовых» разовых билетов в установленные личные часы. Семейные узы между представителями социума не допускаются. Дети воспитываются и получают образование в государственных учреждениях.

Категория гендера является одной из приоритетных социально-культурологических и политических реалий воображаемого антиутопического мира: государство берет под контроль организацию семьи, сексуальную активность и гендерные роли граждан. В романе «Мы» Е.И. Замятин воспроизводит негативные последствия управ-

ления интимной сферой граждан в рамках коллективистской и консервативной системы. Фактически, автор противопоставляет понятия свободы и счастья. Граждане утратили свободу действий, им была предоставлена «свобода от», которая трактуется как неоспоримая защита от преступлений. Опасность связывается со стремлением граждан к такого рода защите. Другими словами, граждане, добровольно поддерживающие режим Благодетеля, укрепляют тоталитарную систему.

Режим Благодетеля использует экстремистский подход к правосудию, чтобы обеспечить подобную «защиту» граждан от разрушительных пороков. Однако на самом деле защищается от распада Единое Государство. Публичные пытки и казни используются как для сдерживания преступности, так и в целях снижения чувствительности населения к террору со стороны Единого Государства. Кроме того, рядовые граждане принимают активное участие в бесперебойном функционировании правосудия. Антиутопия раскрывает суть тех средств принуждения, которые могли бы быть использованы для реализации утопических идей в объективной реальности. Контроль над интимными отношениями граждан, их гендерной идентичностью в конечном счете приводит к отчаянному сопротивлению и бунту.

Литература

Абраменко, Е.В. Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.В. Абраменко. – Майкоп; 2022. – 191 с. – EDN DEJXZE.

Белоусова, Н.О. Проблема порабощения человека «всеобщим» в жанре антиутопии / Н.О. Белоусова // *Философия и культура*. – 2016. – № 3. – С. 337–340. – DOI 10.7256/1999-2793.2016.3.17996. – EDN WAZCAZ.

Ветров, Д.Н. Анализ экранной научно-фантастической антиутопии на предмет критики дегуманизации культуры / Д.Н. Ветров // *Культура и цивилизация*. – 2022. – Т. 12, № 5–1. – С. 13–31. – DOI 10.34670/AR.2022.79.24.001. – EDN DOIUGT.

Дыдров, А.А. Дисперсия антиутопии: крушение монументов / А.А. Дыдров // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 65–69. – DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-1-65-69. – EDN RFFHRE.

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – Москва: АСТ; 2023. – 416 с. – ISBN 978-5-386-10668-3.

Кафтан, В.В. Антиутопия как технология социального управления / В.В. Кафтан // *Экономика и управление в XXI веке: наука и практика*. – 2014. – № 1. – С. 18–25. – EDN VWSFRB.

Ланин, Б.А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте / Б.А. Ланин // *Проблемы современного образования*. – 2014. – № 1. – С. 161–169. – EDN RYLVBF.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – ISBN 978-5-9275-2152-4. – EDN XHISRB.

Поломошнов, А.Ф. Будущее человека в зеркале дистопии и антиутопии / А.Ф. Поломошнов // *Вестник Донского государственного аграрного университета*. – 2020. – № 1–2. – С. 22–31. – EDN OULPOF.

Laskova, M.V. To the problem of contemporary gender interpretation / M.V. Laskova // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2014. – № 1. – P. 80–84.

Levitas, R. The concept of utopia / R. Levitas. – Oxford: Peter Lang; 2011. – 268 p.

Seeger S. Dystopian literature and the sociological imagination / S. Seeger, D. Davison-Vecchione // *Thesis Eleven*. – 2019. – Vol. 150, № 1. – P. 45–63.

References

Abramenko E.V. Categories of metatext and time as a pragmatic way of meaning formation in the science fiction narrative of Kurt Vonnegut: dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Maykop; 2022. 191 p. (In Russ.)

Belousova N.O. The problem of human enslavement by the “universal” in the genre of dystopia. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture*. 2016; 3: 337–340. DOI 10.7256/1999-2793.2016.3.17996. (In Russ.)

Dydov A.A. Dispersion of dystopia: the collapse of monuments. *Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filosofa = Digital scientist: Laboratory of the philosopher*. 2022; 5(1): 65–69. DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-1-65-69. (In Russ.)

- Kaftan V.V.* Dystopia as a technology of social management. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: nauka i praktika = Economics and Management in the XXI century: science and practice*. 2014; 1: 18–25. (In Russ.)
- Lanin B.A.* Russian utopia, dystopia and fiction in a new socio-cultural context. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2014; 1: 161–169. (In Russ.)
- Laskova M.V.* To the problem of contemporary gender interpretation. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2014; 1: 80–84.
- Laskova M.V., Lazarev V.A., Ivchenko M.V.* Gender asymmetry in linguistic embodiment. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU = Rostov-on-Don: Publishing house of Southern Federal University; 2016. 112 p. ISBN 978-5-9275-2152-4. (In Russ.)
- Levitas R.* The concept of utopia. Oxford: Peter Lang; 2011. 268 p.
- Polomoshnov A. F.* The future of man in the mirror of dystopia and dystopia. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of the Don State Agrarian University*. 2020; 1–2: 22–31. (In Russ.)
- Seeger S., Davison-Vecchione D.* Dystopian literature and the sociological imagination. *Thesis Eleven*. 2019; 150(1): 45–63.
- Vetrov D.N.* Analysis of the screen science fiction dystopia on the subject of criticism of the dehumanization of culture. *Kul'tura i civilizaciya = Culture and Civilization*. 2022; 12(5–1): 13–31. DOI 10.34670/AR.2022.79.24.001. (In Russ.)
- Zamyatin E.I.* Technique of artistic prose. Moskva: ACT = Moscow: AST; 2023. 416 p. ISBN 978-5-386-10668-3. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.10.2023

Дата окончания рецензирования: 15.11.2023

Дата принятия к публикации: 22.11.2023

Информация об авторах

Ковтуненко Инна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной конфликтологии и медиации, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru.

Кудряшов Игорь Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и русского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: igalk@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

Information about the authors

Kovtunenکو Inna Viktorovna – Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru.

Kudryashov Igor Aleksandrovich – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Professor of the Department of Theory of Language and Russian Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru.

The authors declare that there is no conflict of interest